

**В клубе «Только стихия, только поэзия»
7 августа 2013 года.
Собрались в 423-ий раз!!!**

Темой этой встречи был
Случевский Константин (7.08.1837 – 8.10.1904)

День его рождения – в день нашей встречи!

Виктор Мирочник прочёл о нём и его стихи:
Родился в семье сенатора в Петербурге. С отличием окончил кадетский корпус, служил в лейб-гвардии Семеновского полка, учился в Академии Генерального штаба. В 23-летнем возрасте вышел в отставку и уехал за границу. Слушал лекции в университетах Парижа, Берлина, Лейпцига,

Гейдельберга, получил степень доктора философии. Вернувшись в Россию, поступает на службу в Главное управление по делам печати, затем в министерство государственных имуществ. Более десяти лет редактирует "Правительственный вестник". В последние годы жизни - член Совета министра внутренних дел, член Ученого комитета министерства народного просвещения, гофмейстер. С этим житейским благополучием резко контрастирует глубинный трагизм поэзии Случевского. Она весьма сходна с напороченной Лермонтовым "насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом". Случевский видел, что общество, чьей подпоркой ему пришлось служить, разваливается, однако грядущих руин не приветствовал, понимая, что под ними будет погребено слишком многое. Случевский соединил язвительный ум князя Вяземского с поэтикой Баратынского. Умер в Петербурге. Именем Случевского назван мыс на острове в Карском море, сам же остров, закартографированный молодым гидрологом А. В. Колчаком, долгое время носил имя будущего адмирала и Верховного правителя России.

* * *

Твоя слеза меня смутила...
Но я, клянусь, не виноват!
Страшна условий жизни сила,
Стеной обычаи стоят.
Совсем не в силу убежденья,
А в силу нравов, иногда
Всплывают грустные явления,
И люди гибнут без следа,
И ужасающая драма
Родится в треске фраз и слов
Несуществующего срама
И намалеванных оков.

1898

* * *

Упала молния в ручей.
Вода не стала горячей.
А что ручей до дна пронзен,
Сквозь шелест струй не слышит он.
Зато и молнии струя,
Упав, лишилась бытия.
Другого не было пути...
И я прощу, и ты прости.

1901

* * *

Все юбилеи, юбилеи...
Жизнь наша кухнею разит!
Судя по ним, людьми большими
Россия вся кишмя кишит;

По смерти их, и это ясно,
Вослед великих пустосвятств,
Не хватит нам ста Пантеонов
И ста Вестминстерских аббатств...
Но слабый человек, без долгих размышлений,
Берет готовыми итоги чуждых мнений,
А мнениям своим нет места прорасти,-
Как паутиною все затканы пути
Простых, не ломаных, здоровых заключений,
И над умом его - что день, то гуще тьма
Созданий мощного, не своего ума...
1898

* * *

Кому же хочется в потомство перейти
В обличьи старика! Следами разрушений
Помечены в лице особые пути
Излишеств и нужды, довольства и лишений.
Я стар, я некрасив... Да, да! Но, Боже мой,
Ведь это же не я!.. Нет, в облике особом,
Не сокрушаемом ни временем, ни гробом,
Который некогда я признавал за свой,
Хотелось бы мне жить на памяти людской!
И кто ж бы не хотел?
Особыми чертами
Мы обрисуемся на множество ладов -
В рассказах тех детей, что будут стариками,
В записках, в очерках, за длинный ряд годов.
И ты, красавица, не названная мною,-
Я много, много раз писал твои черты,-
Когда последний час ударит над землею,
С умерших сдвинутся и плиты, и кресты,-
Ты, как и я, проявишься нежданно,
Но не старухою, а на заре годов...
Нелепым было бы и бесконечно странно -
Селить в загробный мир старух и стариков.
1900

* * *

Кому же хочется в потомство перейти
В обличьи старика! Следами разрушений
Помечены в лице особые пути
Излишеств и нужды, довольства и лишений.
Я стар, я некрасив... Да, да! Но, Боже мой,
Ведь это же не я!.. Нет, в облике особом,
Не сокрушаемом ни временем, ни гробом,
Который некогда я признавал за свой,
Хотелось бы мне жить на памяти людской!
И кто ж бы не хотел?
Особыми чертами
Мы обрисуемся на множество ладов -
В рассказах тех детей, что будут стариками,
В записках, в очерках, за длинный ряд годов.

И ты, красавица, не названная мною,-
Я много, много раз писал твои черты,-
Когда последний час ударит над землею,
С умерших сдвинутся и плиты, и кресты,-
Ты, как и я, проявишься неожиданно,
Но не старухою, а на заре годов...
Нелепым было бы и бесконечно странно -
Селить в загробный мир старух и стариков.
1900

Казин Василий Васильевич (6.8.1898 – 1.10.1981)

День его рождения за день до нашей встречи.
Виктор Мирочник прочёл о нём и его стихи.

Василий Васильевич Казин родился в Москве, в семье водопроводчика. Окончил реальное училище. В 1918 г. принимал активное участие в организации Союза рабочей молодежи в Москве, впоследствии работал секретарем Бауманского райкома комсомола. Учился в литературной студии Московского пролеткульта. В 1920 г, был в числе основателей литературной группы "Кузница". Впервые напечатал свои стихи шестнадцатилетним юношей, в 1914 г., в газете. Первый сборник стихотворений В. Казина - "Рабочий май" - вышел в 1922 г. и принес поэту широкую известность. Затем последовали книжки "Лисья шуба и любовь" (1926), "Признания" (1928), в которых раскрылись черты его дарования: душевная, теплая тональность, стремление одухотворить явления природы, восприятие мастерства рабочих рук как чуда. В стихотворных миниатюрах В. Казина, где поэт берет, казалось бы, самый прозаический материал, лучится солнце, звенит весенняя капель. В лирической поэме "Великий почин" (1956) В, Казин рассказал и первом коммунистическом субботнике на Московско-Казанской

железной дорого в 1919 г. В радостных, светлых по духу стихах В. Казина разработана тема свободного труда, воспет мир чувств и мыслей мастеровых и рабочих. В период становления советской литературы имя В. Казина среди молодых поэтов было одним из самых ярких и привлекательных. На его стихах многому училась впоследствии литературная молодежь.

Гармонист

Было тихо. Было видно дворнику,
Как улегся ветер под забор
И позевывал... И вдруг с гармоникой
Гармонист вошел во двор.
Вскинул на плечо ремень гармоники
И, рассыпав сердце по ладам,
Грянул - и на подоконниках
Все цветы поплыли по лугам.
Закачались здания кирпичные,
Далью, далью опьяняясь,
Ягодами земляничными
Стала сладко бредить грязь.
Высыпал народ на подоконники -
И помчался каждый, бодр и бос,
Под трезвонами гармоники
По студеному раздолью рос.
Почтальон пришел и, зачарованный,
Пробежав глазами адреса,
Увидал, что письма адресованы
Только нивам да лесам.

1922

Капель

Целый день высоты зданий
Мерит искристо капель.
Трелью влажных восклицаний
Веселит она апрель.
Запыхавшись, набегает
Вешний ветер голубой,
Ею трепетно играет,
Гнет серебряной дугой.
Вот умчался он, и мерно
Восклицаний льется трель,
И высоты зданий верно
Мерит тонкая капель.

1917

* * *

Давно такого не было лентяя,
Такого солнца! Желтый лежебок!..
Подумайте: до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!
И лишь один протеплен переулок,
Где так душисто дымится грунтозем,

Как будто бы, не потушив, с огнем
Тут солнце бросило окурок.
1920

Ожидание

Я ждала, ждала тебя, любимый,
Все глаза влила в окно.
Ой, и длинен, длинен день неугасимый,
Огневое, золотое волокно!
Издали клубился,
Вился дым из труб.
Мнилось - не ко мне ли торопился
Твой волнистый темный чуб?
И томленью, нетерпенью слуха
Было слышно, как у двери,
Вся напряжена,
Глухо
Переминалась тишина.
И тянулась нудная обуза.
Вдруг - и синевы края...
Ближе... блуза... чья-то блуза...
Синяя... Твоя! Твоя!
Дверь шушукнула,- и, как во сне, я
Сладко затуманилась в сиянье дня.
Подошел... прильнул и ну, синяя,
Обнимать и обнимать меня...
Обнимал ты... И со страстью жадной
Я взглянула на тебя, и - ах!
Ах, и как я обозналась, ненаглядный,
Это вечер обнимал меня впотьмах!
1923

Не тот ли свет?

Ну не полвека ли с тех пор?
А времени наперекор,
Сквозь вихри дней кипящих,
Я вижу: он вошел во двор,
Стекольщик, несший ящик.
И ящик стекол, стар и хром,
Нес на плече он так двором,
Как будто утру мая
Жар-птицы искристым крылом
Помахивал, шагая.
И не узнал я сам себя:
Мальчишка с видом воробья,
Вдруг от сверканья стекол
Из серости житься-бытья
Я глянул в мир, как сокол.
Со стеклами светлей светил
Явившись, хоть и хром и хил,
Волшебником бесспорным,
Старик весь дух мой захватил
Сверканьем чудотворным.

Во всем, чем жив я как поэт,
Чем смолоду мой стих согрет,
И в этом чувстве стольких лет
К тебе, моя родная,-
Не тот ли чудотворный свет
Горит, не угасая?
1957

Шагалова Марина прочитала стихи написанные в августе и про август:

Тютчев

Накануне годовщины 4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой доро́ги.
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?
Всё темней, темнее над землею —
Отлетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
<1865>

Написано накануне первой годовщины смерти Елены Александровны Денисьевой

Блок

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее - увековечить,

Безличное - вочеловечить,
Несбывшееся - воплотить!
Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне,-
Быть может, юноша весёлый
В грядущем скажет обо мне:
Простим угрюмство - разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь - дитя добра и света,
Он весь - свободы торжество!
7.08.1921

* * *

Приближается звук. И, покорна щемящему звуку,
Молодеет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю руку,
Не дыша.
Снится — снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян.
И в бурьяне — колючий шиповник,
И вечерний туман.
Сквозь цветы, и листья, и колючие ветки, я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от краю до краю,
И окошко твое.
Этот голос — он твой, и его непонятному звуку
Жизнь и горе отдам,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?
В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?
Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход -
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?
Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклюет коршун молодой?
Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?
И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,

И буду так же помнить дождей,
Как нынче помню Калиту?
Но верю - не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Николай Гумилёв

Болонья

Нет воды вкуснее, чем в Романье,
Нет прекрасней женщин, чем в Болонье,
В лунной мгле разносятся признанья,
От цветов струится благовонье.
Лишь фонарь идущего вельможи
На мгновенье выхватит из мрака
Между кружев розоватость кожи,
Длинный ус, что крутит забияка.
И его скорей проносят мимо,
А любовь глядит и торжествует.
О, как пахнут волосы любимой,
Как дрожит она, когда целует.
Но вино, чем слаще, тем хмельнее,
Дама, чем красивей, тем лукавей,
Вот уже уходят ротозеи
В тишине мечтать о высшей славе.
И они придут, придут до света
С мудрой думой о Юстиниане
К темной двери университета,
Векового логовища знаний.
Старый доктор сгорблен в красной тоге,
Он законов ищет в беззаконьи,
Но и он порой волочит ноги
По веселым улицам Болоньи.

Я и Вы

Да, я знаю, я вам не пара,
Я пришел из иной страны,
И мне нравится не гитара,
А дикарский напев зурны.
Не по залам и по салонам
Темным платьям и пиджакам —
Я читаю стихи драконам,
Водопадам и облакам.
Я люблю — как араб в пустыне
Припадает к воде и пьет,
А не рыцарем на картине,
Что на звезды смотрит и ждет.
И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,
Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,

А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: вставай!

Шестое чувство

Прекрасно в нас влюбленное вино
И добрый хлеб, что в печь для нас садится,
И женщина, которою дано,
Сперва измучившись, нам насладиться.
Но что нам делать с розовой зарей
Над холодеющими небесами,
Где тишина и неземной покой,
Что делать нам с бессмертными стихами?
Ни съесть, ни выпить, ни поцеловать.
Мгновение бежит неудержимо,
И мы ломаем руки, но опять
Осуждены идти всё мимо, мимо.
Как мальчик, игры позабыв свои,
Следит порой за девичьим купаньем
И, ничего не зная о любви,
Всё ж мучится таинственным желаньем;
Как некогда в разросшихся хвощах
Ревела от сознания бессилья
Тварь скользкая, почуя на плечах
Еще не появившиеся крылья;
Так, век за веком — скоро ли, Господь? —
Под скальпелем природы и искусства,
Кричит наш дух, изнемогает плоть,
Рождая орган для шестого чувства.

Марина Цветаева

* * *

Молодость моя! Моя чужая
Молодость! Мой сапожок непарный!
Воспаленные глаза сужая,
Так листок срывают календарный.
Ничего из всей твоей добычи
Не взяла задумчивая Муза.
Молодость моя! -- Назад не кличу-
Ты была мне ношей и обузой.
Ты в ночи нашептывала гребнем,
Ты в ночи оттачивала стрелы.
Щедростью твоей давясь, как щебнем,
За чужие я грехи терпела.
Скипетр тебе вернув до срока --
Что уже душе до яств и брашна!
Молодость моя! Моя морока-
Молодость! Мой лоскуток кумашный!

* * *

Не возьмешь моего румянца,
Сильного, как разливы рек.
Ты охотник - но я не дамся,
Ты погоня - но я есмь бег.

Не возьмешь мою душу живу,
Так на полном скаку погонь
Пригибающийся, и жилу
Перекусывающий конь аравийский...

Мой письменный верный стол!
Спасибо за то, что шел
Со мною по всем путям.
Меня охранял — как шрам.
Мой письменный вьючный мул!
Спасибо, что ног не гнул
Под ношей, поклажу грез —
Спасибо — что нес и нес.
Строжайшее из зеркал!
Спасибо за то, что стал
— Соблазнам мирским порог —
Всем радостям поперек,
Всем низостям — наотрез!
Дубовый противовес
Льву ненависти, слону
Обиды — всему, всему.
Мой заживо смертный тес!
Спасибо, что рос и рос
Со мною, по мере дел
Настольных — большая, ширел,
Так ширился, до широт —
Таких, что, раскрывши рот,
Схватясь за столовый кант...
— Меня заливал, как шtrand!
К себе пригвоздив чуть свет —
Спасибо за то, что — вслед
Срывался! На всех путях
Меня настигал, как шах —
Беглянку.

— Назад, на стул!

Спасибо за то, что блюл
И гнул. У невечных благ
Меня отбивал — как маг —
Сомнамбулу.

Битв рубцы,
Стол, выстроивший в столбцы
Горящие: жил багрец!
Деяний моих столбец!
Столп столпника, уст затвор —
Ты был мне престол, простор —
Тем был мне, что морю толп
Еврейских — горящий столп!
Так будь же благословен —
Лбом, локтем, узлом колен
Испытанный, — как пила
В грудь въевшийся — край стола!

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Григорий Авербух прочёл стихи поэта Александра Файнберга.

Вклад Александра Файнберга в развитие многонациональной узбекской литературы поистине огромен. Он автор более десяти поэтических сборников, изданных в Ташкенте, Москве и Санкт-Петербурге. Его перу принадлежат семь сценариев к художественным

фильмам, таким как «Мой старший брат», «У самого синего неба», «Дом под жарким солнцем», «Опаленные Кандагаром» и другие. Он также автор сценариев двух десятков мультипликационных фильмов. Большой интерес представляет его проза. Блестящий переводчик, Александр Аркадьевич открыл русскоязычному читателю многие произведения известных узбекских поэтов. В Москве издана поэма Эркина Вахидова «Восстание бессмертных», а в Ташкенте - сборник «Лебединая стая» с его переводами стихов Абдуллы Арипова, Хосият Рустамовой, Сирожиддина Сайида и Рустама Мусурмана. А избранная лирика самого Файнберга увидела свет на узбекском языке в сборнике «Чигирь».

2 апреля 2009 года в Государственном академическом русском драматическом театре Узбекистана Временным Поверенным в делах РФ в Республике Узбекистан Вазыхом Серазевым была вручена народному поэту Узбекистана, члену Союза писателей и Союза кинематографистов Узбекистана Александру Файнбергу медаль Пушкина, которой он был награжден указом Президента РФ Дмитрия Медведева за большой вклад в развитие культурных связей между Россией и Узбекистаном.

14 октября 2009 года Александра Аркадьевича не стало...

Не важно - что, не важно — кто,
а важно то, что кто-то
прижмется к моему пальто
за тем вон поворотом.
Зачем - не важно, и куда.
Всему своя свобода.
А разойдемся - не беда.
Какие наши годы!
Не важно - где, не важно - с кем,
а важно то, что где-то.
Тот на Камчатке, тот в Москве -
передаем приветы.
Не важно - от чего, когда,
а важно, что когда-то
у всех у нас была беда,
зовут ее - утрата.
Живем, шумим, себя корим,
а ведь уже кого-то
никто, нигде, ни за каким
не встретит поворотом.
В жаре – неважно – иль в зиме,
о чем бы я не мыслил,
четыре слова на земле:
- Я жив. Пишите письма.

Я умру.
И это сбудется.
Над землею
волны лунные
по-другому заволнуются.
Запоют
другими струнами.
Но не грубого,
не изверга,
не пустого,
не порожнего
вспоминай меня
хоть изредка
молодого и хорошего.
А за все,
в чем был виновен я,
в осень,
в золотые сумерки
буду листьями кленовыми
опускаться
к твоей туфельке.
Не слезами, не разлукою,
не обидами,
не бедами.
Буду шорохами,
звуками,
невидимкою неведомым.
Не рябиной горькой,
красною.
Синевою,
переливами.
Чтобы нежно.
Чтобы ласково.
Чтобы ты
была счастливою.
Не по слову,
не по облику.
Вспоминай меня
по облаку.
По звезде.
По волне.
По камням
в глубине...

Клеть свободы

Это ж можно удавиться.
Кто я здесь? Отпетый вор?
Гляну вправо — там граница.
Влево гляну - там забор.
Дух острожный, дух тревожный.
Все в шлагбаумах пути.
Планетарная таможня.

Ни проехать, ни пройти.
Гул стоит от загородок.
Не житье, а плач и смех.
Круговая оборона.
Баррикады всех от всех.
Узаконены лимиты.
Но по мне ль такой закон?
Ни к одной ограде в мире
не пошел я на поклон.
Ни в мороз, ни знойным летом,
ни во сне, ни наяву.
Сам себе смастырил клетку.
Вот свободно и живу.

Над книгой Твардовского

В какие бы мы гении ни вышли,
мы все-таки не видели войны.
Ровесники, ну кто из нас напишет
"Я знаю, никакой моей вины..."?
Не потому ль срывается дыханье,
когда, отбросив новенький журнал,
мы плачем над военными стихами
поэтов тех, кто вправду воевал?
Там жизнь и смерть. Там перед правдой голой
все образы, все ритмы не в цене.
И потому грешить мне в чем угодно,
но только не стихами о войне.

Красавица

В милом блеске этих глаз
что ни отражается!
То застынет в них алмаз,
то рубины жарятся.
То колечко, то серьга.
Жемчуг с переливами.
То песцовая пурга
с вьюгой соболиною.
Романтическая даль,
полная романами.
Неизведанный Клондайк.
Прииски туманные.
Очи — точно — хороши.
Только с нашей мелочью
в это зеркало души
нам глядеться незачем.

Анзор Натлиашвили высказал своё мнение!!!

Константин Баскович прочёл свои стихи:

В сумерках...на берегу...
или с сумкой набегу...
словно севший на иглу,
я отдам себя теплу,
я оставлю след, дугу,
и на памятном углу,
духом вывернусь в игру,
страхом в сна ворвусь дыру,

в сумерках...
и фонтан возьмёт в струю,
и пронзит мне нерв уют,
и тогда я вновь уйду,
по предвечному труду,
за конечную черту,
в сумерках...

но в боль не ударюсь, пока в центре города,
мимо автобусов, ждущих так долго,
мимо знакомого и родного,
так далеко от мгновенья иного,
мнясь, магазины минуя, где дорого,
и вспоминая паденья не гордо...
где открывается спящее слово,
где нахожу подпою Чигракова,
но в боль не ударюсь...
Из дома и к дому дорога продрогла,
и небо как-будто раздетое добела,
ведь я с полдесятого до полвосьмого
стараюсь вернуться назад на Котлова,
ведь там тебя встречу, глухую от холода,
но в боль не ударюсь...

часовой, пояс, мороз, Зимний,
эту лёгкость зачем я рифмую с гирей,
ты жива словно яблоня чьей-то смерти,
и тогда я был первый, теперь последний,
я касался тех плеч, словно спал я, «ты ли»,
нынче ж всё мне известно, и сны остыли,
и холодной зимы отголоски эти
мне дороже земли, где твои спят дети,
часовой, пояс...
этот поезд на паспорт и вид линий,
эта бедность, уплывшая вдаль скрыней,
но и это не всё, посмотри в сети:
как близки были нам мертвецы эти...
новый век и в горстях диоксин синий...
часовой, пояс...

Коген Людмила прочла своё стихотворение:

Гордыня словно чёрная дыра
Засасывает внутрь всех она
Давным давно распять б её пора
Иначе всех погубит Сатана.
Смирением благодать Господь даёт
Как овцы поспешите к небесам,
Где чудно так хор ангелов поёт.
Ни зависти, ни жадности там нет
Там нет пороков, зла, недугов нет
Царит там лишь Любовь, мир, радость, свет
Навеки агнец божий там воспет
Покайтесь! Сохраните «эго» с Ним
Войдите в Святость вечного Творца
Водитесь Духом Господа одним,
Спешите в Дом небесного Отца!

Эдуард Нейбург прочёл свой рассказ «Баронесса»

Заборцев Альберт прочёл свой юмор!!!